

К Дню Победы

Панорама строительства первой плотины, 1930 г.

Ударная бригада бетонщиков Егора Смертина, 1944 год

Строительство доменной печи

Трудовая школа Егора Смертина

Его бригада всю войну перевыполняла нормы на 120–130 процентов

В 1941 году Егор Смертин участвовал в строительстве знаменитого броневоего стана. Через два года вместе со своей бригадой он строил шестую доменную печь.

Легендарный комсорг Роза Инкина вспоминала, что Смертин попросил прямо на стройплощадке, где его бригада по 12–15 часов трудилась на бетонировании южного тоннеля, поставить палатку с кроватями, чтобы валившиеся с ног от усталости люди могли

отогреться и забыться коротким тяжёлым сном. Сам бригадир даже во сне требовал скорее заливать бетон.

На Магнитострой Егор Смертин попал в 26 лет по вербовке. Однажды в его родной вятской деревушке Баланды появился бойкий мужичок, который с жаром принялся рассказывать полуграмотным деревенским парням о грандиозной стройке посреди уральской степи – «заводище, какого во всей Европе не сыщешь», об индустриализации и приличных заработках.

Молодёжь, вдохновлённая речами вербовщика, засобиралась на Урал, а умудрённые опытом старики, страшали: край суровый, неласковый, при царе туда непокорных ссылали

Но кто же слушает стариков? Уже через несколько дней Егор вместе с несколькими односельчанами трясся в стылом вагоне. Вместо великой стройки их встретила заснеженная – куда хватало взгляда – степь. Сильная метель уже через минуту заметала следы. «А где же город?» – заволновались парни. «Здесь, где стоите, со временем будет Магнитогорск, работа тут же, рядом, а пока располагайтесь в палатках», – сообщили товарищи из отдела найма рабочей силы. После «переписи» будущих строителей покормили горячим обедом, обеспечили койко-местом и нехитрыми инструментами, чтобы с утра они могли приступить к работе. Первую ночь на Магнитострое вятские про-

вели, кутаясь в полушубки: печка-буржуйка почти не давала тепла.

«Специальности у меня, так же как и у других односельчан, никакой не было. На другое утро после приезда нам дали в руки топоры и послали в бригаду плотников делать топчаны для палаток. Ехали индустрию строить, а приехали доски сколачивать, думал я огорчённо», – вспоминал Егор Иванович.

На Магнитострое Смертин прошёл суровую трудовую школу: был землекопом, бетонщиком на строительстве первой плотины, участвовал в возведении мартеновского цеха и среднелистового стана, был бригадиром бетонщиков на строительстве коксохимического производства. В военное время возводил пятую и шестую доменные печи, строил броневой стан. Бригада Смертина, состоявшая из выпускников школ ФЗО, перевыполняла нормы на 120–130 процентов и была удостоена звания «Фронтальная бригада имени Героя Советского Союза Александра Матросова».

В 1942 году вместе с главным инженером комбината Г. Михалевичем

и мастером доменной печи И. Лычаком Смертин обратился в открытом письме к коллективу МХАТа с просьбой взять шефство над местным театром и Магниткой в целом. Они попросили организовать несколько выездных концертов: выступление прославленных мастеров советской сцены вдохновит металлургов, горняков и строителей на выпуск сверхплановой фронтальной продукции. В том же году для вручения подарков бойцам от Челябинской области на передовую была отправлена делегация, в которую вошёл бригадир фронтальной бригады Егор Смертин.

После войны Смертин продолжил работать в строительном управлении № 5 треста «Магнитострой» десятником бетонных работ, мастером. Строил восьмую и десятую доменные печи, объекты цементного завода и завода крупнопанельного домостроения. Награждён орденом Ленина, Красной Звезды, «Знак Почёта», медалью «За доблестный труд в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.»

Елена Брызгалина

Воспоминания

Летописец советской деревни

Людмила Коновалова

Людмила Коновалова известна читателям «Магнитогорского металла» документальными рассказами о тяжёлой жизни деревни военных и послевоенных лет, которая воссоздана автором в восьми изданиях. Зарисовки доносит до современников традиции и блюда пасхального стола колхозников Нижегородской области – малой родины Людмилы Михайловны.

Довоенная Пасха

На Пасху сшила мне мама платье из белого полотна. Сестра Рая разрядила подол, сделала мережку. Пасху ждём все. Последнюю неделю Великого поста даже мне молоко не дозволяется. Грех.

– Сегодня Пасха. Боженька нам

всё простил. Если будет солнечный день, посмотришь, как будет солнышко радоваться, – говорит мама, стоя перед шестком и орудя в русской печке ухватами. Она печёт пряженики. Такие пышные, продолговатые. Они фыркают на сковородке. На кухонном столе в плоских приготовлены «яблоники». Их в последнюю очередь мама толкнёт в печку. «Яблоники» не из яблок, о которых слышала в сказках. Яблоки я никогда не видела. Мама говорит, что с давних времён они так называют нашу картошку. Смешно – картошку называть яблоками.

Я удивляюсь, почему она картошку называет яблоками?

– Ну и пусть. Я ведь настоящие яблоки никогда и не видела, – рассуждаю я. – Да и кто в деревне нашей Зайцево знал настоящие яблоки? Да никто!

– Почему никто? Кто ездил на

ярмарку нижегородскую, бают, яблоки видели всякие: мочёные, сушёные. Даже будто бы пробовали.

– Ладно, поверим. Не врут же люди, что где-то целые сады растут, – вступает в разговор тётя Саня. – У нас в деревне Зайцево не было садов с яблонями. Не было и яблок. Яблоне много надо от нашей подзолистой почвы. Тянет она, тянет из-под земли влагу. И земля под яблоней пустует – неэкономно для мужика. Да, в конце концов, что толку от яблони-то? Нет и не надо. Эка невидаль!

У нас картошечка рассыпчатая растёт, лучок, помидорчики, огурчики, морковь и свёкла, редька и хрен. А чего ещё надо? Капуста белокочанная. Без капусточки квашеной не проживёшь! Рожь, горох, овёс, ячмень и лён сеем. Так жили наши отцы и деды. Так питались. И, слава богу, не умирали от голода. Тут тебе и хлебушек, и пиво на праздники, кисель. И корм для лошадей. Тут тебе и маслице льняное, и одёжка. Чего ещё хо-

теть? А яблоня? Хороши, конечно, яблочки в сказке. Но при нашей жизни яблоня – это баловство. «Яблоко – барское лакомство», – так говаривали мужики наши деревенские.

Вот сколько мама наговорила мне о яблоках. А «яблоники» – это картофельное пюре, залитое молоком с яйцами. Мама ставит в печь «яблоники» в глиняных плосках. Много.

– Вдруг гости нагрянут! – смешно подмигивает мама.

Я – в новом льняном платье с мережкой по подолу. Рая заплела мне косички, на голове кашемировая косынка. Сажу на подоконнике и до рези в глазах, не моргая, слежу, как радуется солнышко, Пасхе радуется. Великий пост закончился. Помолвившись, садимся за стол. На пасхальном столе яйца, крашеные в луковой шелухе. Пряженики горячие, «яблоники», молоко кипячёное, с пенкой – для меня.

– Ну, слава тебе, Господи! Христос Воскресе! – провозглашает отец. Все радуемся.